

Ася Азарова

ЯСТРЕБ СЕВЕРА
И НАСЛЕДНИЦА НОЧИ

Ася Азарова

Ястреб Севера и Наследница Ночи

«Литнет»

2026

Азарова А.

Ястреб Севера и Наследница Ночи / А. Азарова — «Литнет»,
2026

Арию похитили и везут в рабство. Но девушка не сдаётся! Её магия окрепла, но теперь ей противостоит не только сам правитель этих земель, но и новая смертельная опасность — Пожиратели Ночи. И чтобы спасти себя и своих людей, ей придется вступить в союз с плененным викингом, чьё прикосновение пробуждает в ней запретное влечение. Довериться врагу — или погибнуть. Первая книга здесь

© Азарова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	16
Глава 5.	19
Глава 6.	23
Глава 7.	26
Глава 8	29
Глава 9.	32
Глава 10.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Рейден стоял у борта, пока пальцы не занемели от холодного ветра. Море дышало под кораблем, как огромный зверь, вздымаясь и оседая. В нос бил соленый запах, вперемешку с дегтем и мокрым деревом. Соленые брызги высыхали на его лице, оставив тонкую, стягивающую кожу корку. Он чувствовал каждое движение корабля, каждый крен, каждую встречу кили с очередной волной. Это был язык, который он понимал с детства. Но сейчас ему казалось, что движется он в неправильном направлении.

Где-то совсем рядом раздался смешок, потом чья-то ругань, затем глухой удар — очевидно, кто-то уронил мешок или сундук. Мужские голоса звучали спокойно, с привычной грубостью людей, которые много лет проводят в море. Они спорили о чем-то, кто-то вспоминал старый поход, другой шутил про девок в ближайшем порту. Он закрыл глаза. Перед ним всплыло лицо Арии. Как она стояла растерянная, сжимающая в пальцах край своей накидки, будто боялась, что ее сорвет ветер. Как дрожал у нее подбородок, хотя она старалась держаться прямо.

Сзади слышались шаги. Рогнар остановился рядом, прислонился к тому же борту.

— Не замерз? — голос Рогнара прозвучал ровно, без насмешки. Рейден ответил не сразу. Ветер бил ему в лицо, волосы путались, прилипали к вискам. Он сглотнул и только после этого повернул голову.

— Нет, — коротко ответил он.

Рогнар встал рядом, опершись о борт локтями. Какое-то время они молчали. Рогнар щурился, вглядываясь в серую даль, словно там могло появиться что-то помимо воды и неба.

— Ты ведешь себя так, будто я продал тебя в рабство, — сказал он наконец, немного устало. — А я всего лишь увез тебя домой. С чужой стороны. Где каждый был бы рад получить за твою голову мешок серебра.

— Я не просил, — глухо произнес он.

— В тот момент ты был не в состоянии просить о чем-либо, — Рогнар чуть улыбнулся. — Ты даже стоять ровно не мог. Пришлось тащить тебя на себе.

Рейден дернул уголок губ. Сейчас ему было не до шуток, но в голосе Рогнара звучала привычная легкость. Та, которая когда-то спасала их в самых тяжелых походах. Он вспомнил, как они стояли в снегу по колено, окруженные врагами, и Рогнар тогда тоже шутил, как будто они не собрались умирать.

— Ты бы предпочел проснуться в цепях и с петлей на шее? — продолжил Рогнар, уже серьезнее. — Или с ножом в спине в каком-нибудь темном переулке? В порту говорили о тебе открыто. Люди любят серебро. А конунг хорошо заплатит за твою голову.

Рейден напряженно сжал пальцы. Об этом он не подумал.

— Я бы хотел... — он осекся. Хотел бы что? Вернуться к Арии? Остаться с ней в том поселении, где он чужой, где его ищут по всему северу? Прятаться, смотреть через плечо, ждать, когда в дверь постучат?

— Мой корабль — это то место, где тебя никто не тронет без моего разрешения. Мои люди мне преданы. Никто не польстится серебром за твою голову. Для них ты всё ещё герой многих битв. — Рогнар повернул к нему голову. В его взгляде мелькнуло что-то внимательное и чуть настороженное. — А там? В тех краях для тебя нет жизни, — сказал он мягко, но твердо. — Там чужой конунг, чужие люди, чужие законы. Сегодня они улыбаются, завтра — сдают тебя за мешок серебра. Для них ты навсегда бы остался чужаком, варваром и убийцей. Но ты слишком ценен, чтобы рисковать собой ради случайной гавани.

Слово «случайной» заставило Рейдена сжать зубы. Для него то место уже не было случайным. Там осталась женщина, чьи глаза не выходили у него из головы.

— Ты прав. Я должен вернуться домой. Должен доказать Харальду, что я не предатель. Рогнар довольно кивнул.

— Узнаю Ястреба. Вот теперь я вижу, что ты вернулся.

— Сколько дней пути? — спросил Рейден, стараясь перевести разговор на что-то конкретное.

— Если ветер не изменится, — Рогнар поднял лицо к небу, оценивая его, — два дня, может, три. К вечеру увидим птиц с нашего берега. Они всегда прилетают раньше, чем показывается земля. ("Няня особого назначения"- промокод _pdUX5sR. Код одноразовый! Если не проходит, значит уже воспользовались. Попробуйте удачу в другой главе)

Три дня. Не так много на то, чтобы справиться с тем, к чему он не был готов.

Он кивнул и снова уставился на воду. Рогнар постоял еще немного, потом оттолкнулся от борта.

— Рулевой говорит, что ветер меняется, — произнес он, глядя на воду. — К вечеру может усилиться. Твои знания нам пригодятся, Ястреб.

Рогнар ушел к рулевому веслу, отдавая команды. Рейден отметил про себя, что голос друга стал уверенным и громким, привычным голосом конунга, который ведет свой корабль через холодные моря. Люди слушали его, отвечали короткими возгласами, кто-то засмеялся. Жизнь на палубе вернулась в обычное русло.

Рейден остался у борта еще на несколько мгновений. Потом медленно оттолкнулся и пошел вдоль корабля. Доски под ногами были шероховатыми, пропитанными солью. Мимо него прошел молодой воин, неся охапку веревок; кивнул почтительно, на лице — смесь уважения и робкого восторга. Для него Рейден был героем, человеком, о котором складывают песни.

«Если бы ты знал, что я и половины не совершил из того, что мне приписывают», — с усмешкой подумал он.

У носа корабля, чуть в стороне от остальных, сидел старый моряк. Его седые волосы были собраны в низкий хвост, борода заплетена в короткие косички. Он тихо мурлыкал себе под нос какую-то мелодию и точил нож о гладкий камень. Рядом с ним лежали сети, аккуратно сложенные и перевязанные веревкой.

— Садись, — не поднимая глаз, сказал он, когда Рейден остановился рядом. — Море легче выдержать, если не стоять.

Рейден опустил на корточки, прислонившись спиной к борту. Ветер здесь был чуть слабее, заслоненный парусом. Он ощутил, как усталость тяжелыми камнями ложится в мышцы. Голова все еще болела, но уже не так, как утром.

— Люди смотрят на тебя, — продолжал старик, наконец поднимая глаза. — Ждут, что ты возьмешь командование на себя.

— Это не мой корабль. И не мой поход, — коротко ответил Рейден.

— Это они тоже знают, — старик улыбнулся одними уголками губ. — Но людям нравится думать, что среди них есть кто-то, кого можно назвать живой легендой.

— Пока живой... - грустно улыбнулся Рейден.

Старик не поднял взгляда от точильного камня.

— Боги рассудили так, Ястреб. Ты смог заменить нашему конунгу одного из погибших сыновей. Все знают эту историю. Для нас она звучит как надежда. Мол, не бойся, всегда найдется рядом тот, кому ты нужен. Кто не оставит погибать. Конунг тоже человек. Отец. Ты смог завоевать сердце ледяного Харальда. И это после всех его потерь. Для нас это знак. Знать старый конунг жив сердцем.

— Не думаю, старик. Его сын погиб в одном бою со мной. Это все знают. Как и то, что меня считают его убийцей.

— А ты и правда убил его?

В глазах Рейдена вспыхнула ярость. Но старик только усмехнулся, глядя на пылающие гневом глаза воина.

— Ответ в твоём взоре.

Рейден сжал зубы от злости.

— Этого Харальду будет не достаточно. В том бою рядом с Хеймом никого не было кроме меня. Я прикрывал ему спину.

Старик тяжело вздохнул, провел ножом по точильному камню.

— А кто прикрывал спину тебе?

Рейден вскинул взгляд на старика. Вопрос, который он задал застал его врасплох.

— О чем ты?

Старик пожал плечами.

— Иногда, чтобы узнать правду, надо повернуться к ней лицом. И взглянуть ей в глаза.

Рейден нахмурился. Старик говорил загадками, а у Рейдена и так голова с утра болит. Старик же проверил, насколько острый у него получился клинок. Рейден мельком взглянул на клинок и сомнение царапнуло его острым коготком узнавания.

— А если правда окажется острее твоего ножа?

— Правда всегда остра, Ястреб. Но режет она лишь тех, кто бежит от нее.

Старик положил нож на колени посмотрел на волны.

— Сильный воин может повести за собой целую армию. Но кто вернет людей назад? Только человек с сердцем, привязанным к дому, вернется. А твое сердце сейчас ... — он покачал головой, — связано слишком тугим узлом.

Рейден молча смотрел вдаль. Старик снова взялся за точильный камень.

— Твоя судьба ждет тебя не в битвах, Ястреб. Она ждет, когда ты поймешь, для чего возвращаешься с них. А пока... ни один очаг не ждет тебя зимой с горячей похлебкой. Ни один смех не звучит для тебя. И ничьи слезы не омывают твои раны. Пока сердце не найдет причал — любая буря будет казаться концом.

Слова попали прямо в цель. Перед глазами снова встали две женщины — Фрея и Ария.

— А если ждут две? — сорвалось у него. Голос прозвучал грубее, чем он хотел.

Старик посмотрел на него пристально. В его взгляде промелькнуло понимание. Он медленно отложил камень и нож, переплел пальцы на коленях.

— Тогда кому-то придется ждать зря, — сказал он просто. — Мир редко устроен так, чтобы всем было хорошо. Но если ты будешь метаться между берегами, утонешь сам и утянешь обоих.

Рейден сжал кулаки до боли.

— Я не хочу, чтобы хоть одна из них страдала.

— Тогда выбери ту, чье страдание ты сможешь выдержать, — старик не смягчил своих слов. — Прости, воин, но иначе не бывает. Иногда богам нужны наши слезы, чтобы море продолжало оставаться соленым.

Эта простая, грубая мудрость больно резанула. Но в ней было что-то успокаивающее. Как будто кто-то наконец сказал вслух то, что он боялся признать: пути назад, в тот мир, где сердце было свободным, больше нет. Он замолчал. На палубе кто-то запел старую песню. Голоса подхватили, нестройно, но дружно. В этих словах было столько зим, штормов и огня, что воздух вокруг наполнился тяжестью прожитых лет. Песня о доме, о тех, кто ждет у берега. Рейден слушал и чувствовал, как внутри него две силы тянут в разные стороны. Одна — сильная, тяжелая, как родная земля под ногами. Другая — легкая, как порыв холодного ветра, который приносит запах чужих трав и тонкий голос, зовущий по имени.

Он опустил руку к груди, сжал сверток. Ткань была шероховатой, знакомой. Эти бусы и лента связывали его с чужим берегом.

— Я не знаю, что делать, — прошептал он, сам не уверен, обращается ли к старому моряку, к морю или к тем богам, в которых верил меньше, чем в силу собственного клинка.

Старик пожал плечами.

— Богам виднее, — ответил он. — Но если хочешь совет старика — не ври. Ни себе, ни той, что ждет тебя на берегу. Ложь — как треснувшая доска. В спокойную погоду выдержит, а в шторм сломается. А для нас жизнь, сынок, всегда шторм.

Он забрал свой нож и поднялся, кости негромко хрустнули. Потом ушел, оставив Рейдена одного у носа корабля. Рейден поднял взгляд на серое небо. Там, высоко, кружила одинокая птица. Небольшая, темная точка на фоне свинцовых облаков. Он смотрел на нее долго. Птица постепенно удалялась в ту сторону, куда они направлялись.

Ветер тянул паруса, и корабль ускорялся, как будто сам был рад возвращению. Рейден сжал зубы, поднялся на ноги и развернулся к морю. Рейден любил его. Но сейчас в его душе залегла тоска. Две судьбы. Две девушки, которые стали для него разными берегами одного холодного моря.

Достав тряпицу, в которую были завернуты бусы и лента, Рейден протянул руку вперед, за борт, намереваясь разжать ладонь.

Дорогие читатели. Первая часть романа находится здесь https://litnet.com/shrt/Jjt_

Глава 2.

Остаток дня Рейден провел, помогая команде, но делал это молча. Он проверял крепление парусов, помогал перетаскивать бочки с водой. Его движения были точными, но в них не было жизни. Викинги, работавшие рядом, украдкой поглядывали на него. Они знали его репутацию. Они видели его ярость утром. И они видели, как теперь он замкнулся в себе.

Рогнар наблюдал за ним с кормы. Он видел напряжение в плечах друга, видел, как тот избегает встречи взглядом. Он думал, что Рейден просто не оправился после вчерашнего и зол из-за своего пленения. Мысль о том, что причина может быть глубже, даже не приходила ему в голову.

К вечеру, как и предсказывали, ветер усилился. Небо на западе потемнело, и по воде побежали крупные, гребнистые волны. Корабль стало сильно качать.

— Рейден! — крикнул Рогнар, с трудом удерживая рулевое весло. — Нужна твоя помощь! Мы можем потерять парус!

Рейден, который сидел, уставившись в воду, поднял голову. Его инстинкты морехода сработали быстрее, чем терзавшие его мысли. Он вскочил на ноги, его глаза за долю секунды оценили ситуацию: натянутые канаты, крен судна, направление ветра.

— Ослабить шкот! — его голос прозвучал громко и властно, перекрывая вой ветра. — Двое на левый борт, противодействовать крену!

Он бросился к мачте, его руки сами нашли нужные канаты. Он работал быстро, уверенно, отдавая команды, которые команда выполняла безоговорочно. В эти минуты он снова стал Ястребом Севера.

Буря словно дождалась своего часа и обрушилась на корабль. Неистовство стихии выжимало из людей все силы. Волны, черные, как деготь, с белыми гребешками пены, перекатывались через низкий борт, заливая палубу ледяной водой. Корабль стонал, его ребра из дубовых досок скрипели под натиском, вздымаясь на водяные горы и с грохотом проваливаясь в пустоты между ними.

Каждый на борту стал частью одного целого, борющегося за жизнь. Одни, привязанные кантами к планширю, вычерпывали воду кожаными ведрами. Другие из последних сил натягивали канаты, пытаясь удержать ревущий парус, который рвался из рук, словно живой. Ветер выл в снастях, заглушая крики команды.

Рейден стоял у руля рядом с Рогнаром, их плечи упирались друг в друга, создавая точку опоры. Четыре руки, сведенные судорогой, сжимали основание рулевого весла, не давая кораблю развернуться лагом к волне — верной смерти. Ледяные брызги хлестали им в лица, слепили глаза.

Мысли Рейдена вновь стали свободны от тревог. Сейчас основная задача - выжить. Только море. Только ветер. Только живое, дышащее дерево палубы под ногами. Он видел, как молодой викинг поскользнулся и полетел к борту. Две пары рук успели схватить сорвавшегося и оттащить в безопасность.

Именно в этот момент, когда корабль, изможденный, но непобежденный, взобрался на очередной водяной холм, случилось страшное. Гребень гигантской волны, притаившейся за спиной ушедшей бури, обрушился на палубу. Это была не просто вода — это была ледяная стена, несущая в себе всю ярость моря.

Рейден как раз отвернулся от руля, чтобы смахнуть соленую воду с лица, и увидел его. Того самого юнгу, что с благоговением смотрел на него днем. Парень, не успевший привязаться, стоял у борта, пытаясь отвязать сорванный штормом бочонок. Его глаза, полные решимости, встретились с взглядом Рейдена на долю секунды.

И в следующее мгновение волна накрыла его.

Она пронеслась по палубе, сметая все на своем пути. Когда волна отхлынула, палуба в том месте была пуста. Только сорванный бочонок с грохотом катался по мокрым доскам.

— Человек за бортом! — кто-то успел крикнуть, но голос утонул в шуме стихии.

Рейден не кричал. Он не думал. Его тело решило все за одно мгновение. Резким движением он сбросил с себя тяжелый мокрый плащ, мешающий движению, и, оттолкнувшись от борта, мощным прыжком нырнул в кипящую за бортом пену.

Ледяной удар воды обжег кожу, вышибив воздух из легких. На мгновение мир потемнел — пузыри, соль в глазах, оглушительный рев. Он всплыл, отчаянно работая ногами, и окинул взглядом бушующую воду. И увидел — в паре десятков локтей от корабля мелькнула бледная рука, а затем и голова, с отчаянием вынырнувшая из пучины.

Корабль, подхваченный волной, начинал уходить вперед. Еще минута — и расстояние станет непосильным.

Рейден рванулся вперед, его мощные плечи резали воду. Каждый гребок давался с трудом, волны швыряли его, как щепку, пытаясь разлучить с целью. Он видел, как юноша, захлебываясь, снова уходит под воду.

Нырнув, Рейден под водой нашел его. Парень уже почти не сопротивлялся, его тело стало тяжелым и безвольным. Схватив его за ворот куртки, Рейден из последних сил рванулся к поверхности.

Они вынырнули, когда корабль был уже в добрых тридцати локтях. Кто-то из команды, не теряя самообладания, уже кинул за борт спасательный канат с привязанной к нему пустой бочкой. Рейден, одной рукой удерживая на плаву бесчувственное тело, другой из последних сил ухватился за канат.

Их стали подтягивать. Долгие, мучительные минуты они болтались на веревке, как привязанные приманки, пока волны снова и снова пытались разжать ослабевшие пальцы Рейдена. Но он не отпустил.

Когда их наконец втянули на борт, Рейден, тяжело дыша, опустился на колени рядом с бледным юношей.

Рейден отполз в сторону, прислонился к мачте и закрыл глаза, просто дыша. Он не видел восхищенных и благодарных взглядов команды. Он не слышал одобрительного гула. Он просто сидел, чувствуя, как дрожь пробирается сквозь его уставшее тело. Он спас его. Не геройства ради. А потому что не мог иначе.

Рогнар быстро накинул шерстяное одеяло на плечи Рейдану. Похлопал по плечу друга и отправился вновь к рулевому веслу. Буря, словно не добившись ничего от людей, стала сходить на нет. И совсем скоро море вновь стало спокойным. Будто не было этой безумной попытки захватить власть над бесстрашным кораблем.

На палубе воцарилась оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием людей и успокаивающим плеском воды о борт. Именно тогда, когда безумство отступило и тело заныло от усталости, опыт Рейдена забил тревогу. Корабль вел себя неправильно. Слишком валко, слишком тяжело. Внимательный взгляд воина скользил по палубе, оценивая ущерб. Но что-то все же было не так.

«Морской змей» — легкий и быстрый корабль — вел себя как перегруженная баржа. Он слишком медленно выходил из крена, его движение сквозь воду было слишком тяжелым.

— Рогнар, — Рейден обернулся к другу, все еще стоявшему у руля. — Скажи мне честно. Что мы везем? Корабль осел в воду так, будто тащим камни.

Тень беспокойства мелькнула в глазах Рогнара, но он тут же отмахнулся.

— Не забивай голову, Ястреб! Припасы, якоря, лишний балласт после последнего шторма. Ты же знаешь, море сейчас беспокойное. Лучше тяжелее, но устойчивее. Иди отдохни, ты свой долг сегодня оплатил сполна. Ты давай, вставай. Нам надо переодеться с тобой, пока не подхватили простуду.

Каюта капитана была тесной, но сухой. Влажный воздух густо пах смолой, старым деревом и солью. Рогнар, скинув промокшую насквозь рубаху, швырнул ее в угол, где ткань с глухим шлепком легла на пол. Его тело, покрытое старыми шрамами и налитыми мышцами, дрожало от холода.

Рейден молча стягивал с себя мокрые штаны. Вода с них стекала на потертые половицы маленькими лужами. Он потянулся за сухой рубахой и плотными шерстяными штанами, и в этот момент его взгляд скользнул по шее Рогнара.

Из ворота его сухой рубахи на толстом кожаном шнурке свисала монета. Не простая. Золотая, но не круглая, а с неровными краями, словно отломанная от чего-то большего. На ее поверхности проступали странные, не скандинавские узоры — не животные, не древо жизни, а какие-то спирали и угловатые знаки. Она выглядела чужой. Древней.

Рейден отвел взгляд, надевая рубаху. Вид амулета вызвал смутную тревогу, холодный укол под ребра. Но он не подал вида, подумав, что ранее такой монеты у друга не видел.

Рогнар меж тем достал из резного ларя темную бутылку и два медных кубка. Жидкость, которую он налил, была густой, как мед, и пахла дымом и специями.

— За жизнь, — хрипло произнес он, протягивая один кубок Рейдену.

Тот молча принял его. Глоток обжигающего рома разлился по жилам согревающей волной, но внутри оставалась странная тяжесть.

— Этот щенок, — покачал головой Рогнар, опустошая свой кубок. — У него дар находить приключения пятой точкой. Я уже сожалею, что взял его в этот поход. Он со мной еще и за прошлый не расплатился. Помнится мне, прошлом походе он чуть не сжег драккар, пытаясь разжечь костер на палубе.

Он усмехнулся, но в его смехе не было злобы. Скорее, некое привычное раздражение, смешанное со странной снисходительностью.

— А сегодня свалился за борт! — Рогнар снова налил себе рому, его голос стал жестче. — Да ты, Ястреб, совсем безумец! Прыгнул в воду. Ради какого-то юнги? Я бы не прыгнул. Ни один корабль не стоит жизни хорошего капитана. Пусть бы захлебнулся, коль такой неудачник.

Слова повисли в воздухе, тяжелые и острые, как осколки льда. Рейден замер, сжимая в руке кубок. Пальцы сами сжались так, что костяшки побелели. Он посмотрел на Рогнара, но тот избегал его взгляда, уставившись в темное дно своей чаши.

Рейден медленно, слишком медленно, поставил недопитый кубок на стол. Звон меди о дерево прозвучал довольно громко.

— Пойду проверю вахту, — голос Рейдена был ровным и пустым. — Воздуха не хватает.

Он вышел из каюты, не оглядываясь, оставив Рогнара наедине с его ромом.

Ночной воздух был холодным и влажным. Рейден стоял в тени грот-мачты, делая медленные, глубокие вдохи, пытаясь вытеснить из легких тяжелый дух каюты и слова Рогнара. Он машинально полез за пазуху, и пальцы наткнулись на маленький, тщательно завернутый узелок.

Развернув влажную тряпицу, он с невольным облегчением выдохнул. Там лежали те самые стеклянные бусины и полоска вышитой ленты. Он с удивлением провел пальцем по прохладным бусинам. Как они уцелели после его безумного прыжка в бушующее море? Казалось, сама судьба хранила эту крошечный лоскут ткани.

Его размышления были прерваны скрипом половиц. Из-за поворота рубки показался тот самый старик. Он, кряхтя, нес два деревянных ведра, от которых шел странный запах. Старик, озираясь, достал железный ключ. Но прежде чем он успел приоткрыть люк, к нему бесшумно подошли двое. Два крепких, молчаливых воина. Это были не моряки. Рейден понял это с первого взгляда. На них не было просмоленных курток, их руки не знали работы с канатами. Эти двое были одеты в темные, плотные туники, а из-под плащей виднелись рукояти не секир, а

длинных, прямых мечей. Их движения были порывисты, как у сторожевых псов. Они молча взяли ведра у старика и так же молча, легко, словно пустые, спустили их в черную пасть трюма.

Когда те двое покинули рюм, старик так же быстро и ловко закрыл трюм на ключ и поспешил скрыться. Рейден нахмурился. Корабль везет не просто припасы. Он узнал этот запах дешев

ой похлебки, которой кормят скот. Или ... рабов.

Глава 3.

Жизнь возвращалась к Арии медленно. Сначала она почувствовала качку. Пол под ней уходил вниз, потом резко вздымался. В воздухе пахло солью, рыбой и чем-то кислым — человеческим потом и страхом.

Она открыла глаза. Темнота была не полной и сквозь щели в палубе пробивались тонкие лучи света. Она была в трюме. В памяти всплыли обрывки: избушка в лесу, старуха Вельда, ее сын в волчьей маске. Горький вкус зелья на языке. После этого — пустота.

Ария поднялась на локти, но у нее закружилась голова. Прислонившись к шершавым досками, она осмотрелась. В слабом свете угадывались знакомые силуэты. Хальдор и Ульф лежали неподалеку, не двигаясь. Их мощные тела казались безжизненными.

«Сумка, — первая мысль была ясной и важной. — Где моя сумка?»

Ее руки, дрожащие и слабые, нащупали кожаную сумку рядом, тут же на соломе. На сердце разлилось облегчение. Она расстегнула застежку и заглянула внутрь. Мешочки с травами, склянки с мазями, чистые бинты — все было на месте. А под подкладкой маленький кинжал с резной рукоятью, доставшийся от отца. Значит, их обыскали, но сочли лекарские снадобья безопасными. А залезть поглубже и найти потайной карман времени у пленителей не оказалось.

Ария подползла к Хальдору. Нашупала его шею — пульс бился, ровный и сильный. Она достала флакон с солями и поднесла к его носу. Хальдор дернулся, закашлялся и открыл глаза. Его взгляд был мутным, потом прояснился, наполнился яростью.

— Где эти свиньи? — прохрипел он, пытаясь дернуться, но его руки были скручены за спиной.

— Тише, — шепнула Ария. — Лежи. Ты связан. Я освобожу тебя.

Она перешагнула через него и принялась резать узлы. Пока острый кинжал резал веревки, ее глаза привыкли к полумраку. Трюм был полон. В дальних углах сидели и лежали другие люди. Она разглядела старика в потрепанном плаще, прижимающего к себе худенькую девушку лет шестнадцати. Его лицо было изможденным, но руки, обнимающие дочь, были крепкими и жилистыми.

Рядом с ними, прислонившись к борту, сидел молодой мужчина. Он был высок, даже сидя. Широкие плечи, темные, спутанные волосы, падающие на лоб. Его лицо, покрытое синяками и ссадинами, было удивительной красоты и настоящей мужской силы. Но взгляд был пустым, устремленным в никуда. На его руках и ногах поблескивали тяжелые железные кандалы, цепь от которых была прикована к корабельному брусу.

— Кто они? — пробормотал Хальдор, потирая освобожденные запястья.

— Пленники. Как и мы, — ответила Ария. Она кивнула в сторону шотландца. — Смотри на кандалы. Этого боятся особенно.

Она подползла к Ульфу. Великан очнулся легче, лишь от нашатыря глубоко вздохнул и сел, смотря на свои руки с недоумением.

— Болит голова, — просто сказал он.

— Помолчи пока, — сказал Хальдор. — Лекарка, иди к тем, другим. Посмотри, в каком они состоянии.

Ария взяла свою сумку и подошла сначала к старику и девочке.

— Вы ранены? — спросила она тихо.

Старик вздрогнул, прижал дочь сильнее. Его глаза были полны страха.

— Мы... мы из Уэссекса. Нас забрали во время набега. Моя дочь, Брикета... она не ранена. Но она пока не говорит. С тех пор как увидела, как убили ее мать.

Брикета, худенькая и бледная, смотрела на Арию огромными глазами, в которых не было слез, только тихий ужас.

— Я дам вам воды, — сказала Ария, найдя в углу трюма кадку с водой. — И еды, если найдется.

Потом она повернулась к закованному мужчине. Он даже не посмотрел на нее.

— Вы ранены, — сказала она не как вопрос, а как факт. — Позвольте мне помочь.

Он медленно перевел на нее взгляд. Глаза его были цвета молодых побегов. Но смотрели отстраненно.

— Помощь не нужна, — его голос был низким, хриплым от неиспользования. — Оставьте.

— Лихорадка убьет вас раньше, чем они, — твердо сказала Ария. Она уже разматывала бинт. — А у меня такое чувство, что умирать вы не собираетесь. Так не поможете ли вы мне, отодвинув руку?

Он на секунду замер, потом, с глухим лязгом цепи, протянул руку. На предплечье был глубокий, плохо заживающий порез. Ария принесла воды в глиняной миске, найденной тут же, у кадки с водой. Она промыла его рану водой с травами, наложила мазь и перевязала. Потом обработала ссадины на его лице.

— Меня зовут Ария.

— Грейт, — ответил он после паузы. — Грейт Маккензи. Благодарю вас.

Хальдор и Ульф тем временем освободили от пут других пленников — еще несколько мужчин и женщин, все в страхе и отчаянии.

— Кто вас забрал? — спросил Хальдор у одного из мужчин.

— Колдун, — прошептал тот, крестясь. — В волчьей маске. Его воины пришли ночью. Забрали сильных. Остальных... остальных убили.

Ария тихо вздохнула. Все они здесь оказались по вине одного человека.

Шаман Белый Волк...

Брикета, девочка, вдруг заговорила, ее тонкий голосок прозвучал в тишине:

— Я слышала... я слышала, как двое его воинов говорили. Они везут нас на остров. Там есть старая каменная пещера. В утесе. Там, где души ветров живут. Они говорили про жертву. Про то, что кровь меченых поможет стереть руны с древних камней. И тогда они восстанут... Пожиратели ночи...

В трюме воцарилась леденящая тишина.

— Старые детские страшилки - сказал Хальдор, но его голос при этом дрогнул. — Нам с Ульфом такие ещё наша бабка рассказывала. Но лишь для того, чтобы мы дальше ее подола не отползали... А тут кто-то действительно верит в этот ритуал? — глухо произнес Хальдор. — Варварство даже для нас... Кровавые ритуалы уже редко проводят.

— Его мать, Вельда, она... не в себе, — сказала Ария, вспоминая безумный блеск в глазах старухи. — Она говорит о чести и вознесении. Но сам шаман не такой. У него есть цель. Холодная и четкая. Он не безумец. Он хуже. Он убежден в своем праве.

Она отвлеклась от этих мыслей, снова открыв сумку. Вид испуганных пленников, дрожащих женщин, раненого Грейта — все это требовало действий.

«Если боль своя слишком тяжела, найди того, кому тяжелее, — мысленно проговорила она про себя, повторяя слова отца. — Помоги ему поднять его ношу. И твоя станет легче. Не в этом ли цена нашей жизни? Не в силе удара, а в силе руки, что поддерживает».

Она распределила последние крошки сухаря, завалявшегося в сумке, поделилась водой. Перевязала рану старику. И пока она работала, страх отступал, сменяясь усталой сосредоточенностью.

Исподволь Ария наблюдала за Грейтом. Он не жаловался. Не стонал. Сила, исходящая от него, была ощутима. Но когда она коснулась его руки, меняя повязку, она увидела. Не глазами,

а внутренним зрением, которое теперь просыпалось в ней так часто. Вокруг его сердца вились тонкие, черные нити. Как змейки. Это была ненависть. Она пожирала его изнутри. Но что было хуже всего, так это то, что она, эта ненависть, и поддерживала жизнь воина. Он жил ею, этой ненавистью, хотя она и причиняла ему невероятные муки.

«Он хочет мести, — поняла Ария. — За кого-то. И это желание — все, что у него осталось».

Она встретила с его взглядом и увидела в этих зелёных, холодных глазах вопрос. Он почувствовал ее внимание.

— Вы смотрите, но не осуждаете, — тихо сказал он.

— Я вижу боль, — так же тихо ответила она. — Иногда она единственное, что согревает. Но она же может сжечь до тла.

Он ничего не ответил, только отвернулся.

В этот момент корабль дернуло с новой силой. Послышался яростный рев ветра сверху, скрип напрягшихся до предела досок. Трюм резко накренился. Люди, не готовые к этому, полетели к противоположному борту. Раздались крики, плач. Брикета вскрикнула и вцепилась в отца.

Арию оторвало от пола и понесло в темноту, к грубо сколоченным балкам. Она ударила бы головой, но сильная рука в железном наручье резко дернула ее на себя. Цепь Грейта звякнула натянувшись. Он поймал ее, прижал к себе и к прочному шпангоуту, за который был прикован.

("Вересковый Лед". Промо код 44BPMI_. Код одноразовый! Если не проходит, значит уже воспользовались. Попробуйте удачу в другой главе).

— Держитесь за цепь! — крикнул он, его голос пробился через шум бури.

Хальдор и Ульф, успевшие ухватиться за перекладыны, протянули руки другим. Люди цеплялись за них, образуя живой щит вокруг слабых. Корабль бросало, как щепку. Каждый удар волны отдавался во всем теле. Вода начала сочиться сквозь щели.

Ария, прижатая к груди Грейта, чувствовала холод его кандалов и тепло тела под грубой тканью. Она слышала, как сильно и ровно бьется его сердце, несмотря на ужас, творящийся вокруг. Он обнял ее. И стал ее щитом, принимая на себя удары тел других сбитых с ног пленников. В его объятиях не было нежности. Была жесткая, безжалостная необходимость выжить. И странное доверие, родившееся в кромешном мраке шторма.

— Не отпускайте! — крикнул он ей в ухо, и его дыхание было горячим на ее мокрой щеке.

Она вцепилась в его рубаху. В этот миг он стал ее якорем. И она, целительница, держащая за закованного в цепи воина, понимала — иногда для спасения жизни нужно позволить другому быть твоей силой. Хотя бы на время бури.

Глава 4.

В трюме запахло тиной. Корабль вздрагивал так, будто кто-то снизу тряс его за днище, пытаясь опрокинуть. И каждой новой волной корпус вздрагивал снизу доверху. Глухой удар, протяжный скрежет дерева о дерево, затем крен. Бочки с пресной водой сорвало с креплений и потащило по грязному полу.

Шторм бился о деревянные стены, словно чудовище, желающее добраться до испуганных пленников.

— Слушай, девчонка, — голос шотландца разорвал гул и шорохи. Грейт, притянул Арию к себе ближе и возле ее уха раздался горячий шепот. — Это твой единственный шанс выбраться. Ты сможешь выбраться и вывести этих людей отсюда.

Ария, прижатая к мощной мужской груди, затряслась сильнее от его уверенного тона, чем от холода.

— Я... не смогу, — хрипло прошептала она. — Я боюсь. Шторм нас всех убьёт. Куда я пойду? Куда их поведу?

Корабль накренился так резко, что всех бросило в сторону. Люди закричали. Грейт ударился спиной о дерево, но лишь стиснул зубы, прижав Арию крепче и не давая ей упасть.

— Бояться будешь потом. Сейчас надо действовать. — прокричал он, стараясь перекрыть человеческие вопли, стоящие в трюме. — Сейчас команда спасает свои шкуры. Им нет дела до нас. Утонем здесь — капитан расстроится, что выкуп уплыл. Ты этого хочешь? Вот так тихо сгнить в трюме?

Глаза Арии наполнились слезами. Соль слез смешалась с солёной влажностью воздуха.

— Если я выйду... там шторм... — голос сорвался. — Я не могу вести людей за собой. Я не знаю, что делать!

Грейт усмехнулся, но в глубине его зеленых глаз мелькнула странная мягкость.

— Знаешь, в тебе сила, девчонка. Я чувствую, как вокруг тебя воздух дрожит. Боги не зря послали этот шторм. Это не кара, это дверь. Либо ты через неё пройдёшь, либо она захлопнется. И этот трюм станет вашей могилой.

Сквозь шум воды и грохот мачт донеслось приглушённое «Держи канат!» и чей-то отчаянный вопль. Верхняя палуба жила собственной, далёкой жизнью — там боролись за корабль. Здесь, внизу, никто не боролся ни за что.

— Послушай его, Ария, — подал голос Хальдор. Он сидел, опершись спиной о бочку, лицо в полумраке казалось бледнее полотна. — Он прав. Мы утонем здесь, как щенки в мешке! Твои травы лучше послужат живым. Мертвым твое умение ничему!

Ульф, удерживая за плечи перепуганную женщину, кивнул:

— Скажи только, что делать, — крикнул он. — Я помогу!

Ария всхлипнула и уткнулась лицом в ладони. В висках стучало в такт ударам волн.

— А ты? Твои цепи нам не разорвать! — вдруг спросила она, поднимая взгляд на Грейта. — Если мы сбежим... что будет с тобой?

Он широко ухмыльнулся, обнажив удивительно красивые, белые зубы.

— У меня свой путь, девчонка. Свой счёт к этим северным псам. Чтобы его оплатить, мне надо попасть к ним в дом, а не сбегать в лодчонке. Здесь у меня больше шансов очутиться лицом к лицу с их ярлом. Так что не трать на меня свои слёзы. Мне ещё понадобится моя цепь. Чтобы повесить на нем своего врага.

Снаружи, будто подтверждая его слова, по борту хлестнула особенно тяжёлая волна. Корабль рванулся вниз, кого-то в трюме бросило на пол. Кто-то закричал.

Старик, сидящий рядом, прищурился, вспоминая:

— Когда нас вели сюда, я видел на корме шлюпку, — быстро проговорил он, перекрывая крики пленников. — Маленькая, но крепкая. Если до неё доберёмся — уцелеем. Если, конечно, шторм не оторвет нам головы!

Ария затрясла головой, отказываясь даже верить в тот маленький шанс, что замаячил на горизонте.

Это ваш шанс! Может быть, единственный! Пока охранники у люка отвлеклись! - Грейт обхватил Арию за плечи и потрянул так, что у девушки едва голова с плеч не слетела.

Ария подняла на него свои заплаканные глаза. Но видела сейчас перед собой не темно-волосого шотландца, а голубоглазого варвара.

Рейден, Ястреб Севера...

Викинг.

Враг.

И он никогда не узнает, что случилось с Белой Ведьмой. Не узнает, что она сгинула в утробе варварского драккара.

А если... если ей и удастся выбраться отсюда живой, если эти волны не поглотят её, а земля окажется милосердной...

Она знала, что больше никогда не увидит его. Их пути разошлись, как два встречных корабля.

Но мысль, которая пронзила её острее любой, была проста и невыносима. Она посмотрела вверх. Там был люк. Но она видела не его. Она видела небо. Если она выживет, она будет смотреть на это же небо. На тучи, на звёзды, на солнце. И он, где бы он ни был, тоже будет смотреть на него. Та же бескрайняя ширь будет растянута над ними обоими, соединяя и разделяя одновременно. Он будет дышать тем же воздухом, что и она. Чувствовать тот же ветер, но между ними лягут целые моря, чужие земли.

Она зажмурилась, пытаясь стереть этот навязчивый образ. Но он уже въелся, как морская соль в кожу. Враг. С синими, как ледник, глазами. Смотрящий на то же небо.

Ария почувствовала, что внутри нее растёт уверенность. Пленники, слушая ее разговор с Грейтом, смотрели теперь на нее с надеждой. Разве могла она отобрать последнее, что у них осталось?

Страх никуда не делся, но под ним вспыхнуло и другое: жгучий стыд от мысли умереть, даже не попытавшись.

Она медленно встала. Пол уходил из-под ног, её качнуло, и тогда Грейт протянул стянутые цепью руки и крепко обхватил её за талию, удерживая от падения.

Ария глубоко вдохнула. Воздух был тяжёлым, влажным, пах плесенью, потом и страхом. Она почувствовала на себе десятки взглядов — тусклых, потухших, полных отчаяния.

— Послушайте, — начала она. Голос сорвался на первом же слог. Она сглотнула комок в горле, заставила себя говорить громче, перекрывая стон корабля. — Я боюсь. Так же, как вы. Я не знаю, что там, наверху. Но я знаю, что здесь мы умрём. В темноте. Тихо. Нас просто запишут в потери.

Пол снова ушёл из-под ног. Люди закачались, хватая друг друга. Но никто не отвел взгляда.

— Мы — не груз, — продолжила она, и с каждым словом её голос становился твёрже, увереннее. — Мы не выкуп. Пока мы дышим — мы люди. И у нас есть право бороться! Хотя бы за один лишний вздох. За шанс увидеть небо! Пусть оно и будет на чужбине.

— Там нас убьют! — прокричал мужчина с перевязанной головой. Его лицо исказила гримаса. — Варвары! Волны!

— Там будет небо, — жёстко перебила его Ария. Её слова повисли в воздухе, отсекая последние сомнения. — Здесь его нет. Здесь только гниль. Я пойду наверх. К шлюпке. Кто хочет побороться за шанс еще раз увидеть солнце и небо — идите за мной.

Она сделала шаг вперёд, держась за цепи Грейта, словно это был корень, торчащий над пропастью.

— Я не обещаю, что все выживут, — сказала она честно. — Но если мы останемся, погибнем все. Выбор за вами.

Тишина на мгновение стала оглушительной — даже гул шторма, казалось, отступил. Потом поднялся один мужчина, опираясь на плечо соседа. Затем ещё один. За ними — истощённая женщина, дрожащими руками поднимаясь с пола. Ульф мягко подхватил её под локоть и помог встать.

— Вот так, — тихо поддержал он. — По одному. Никто не остаётся лежать.

Хальдор встал вслед за братом. Его взгляд встретился с ее, и в нём впервые не было ни сомнения, ни жалости — только признание.

— Ты победила их страх, — негромко проговорил на ухо Грейт. — Теперь не смей показывать свой.

Она кивнула, чувствуя, как внутри леденеет. Но лицо оставалось твёрдым.

Ария обернулась к шотландцу.

— Спасибо, Грейт, — произнесла она. — За то, что подсказал путь к спасению. И... — она запнулась, подбирая слова. — Невозможно прожить жизнь в ненависти. Пусть однажды ты встретишь ту, кто поможет твоему сердцу успокоиться.

Он хмыкнул, отворачиваясь.

— Ступай уже. Время уходит.

Ульф помог подняться старикам и женщинам, подхватывая слабых под руки. Хальдор двинулся вперёд, идя первым среди пленников.

Как и предвидел Грейт, караульные оставили свой пост. Никто не хотел умирать, защищая не свое добро. Хальдор резко толкнул дверцу трюма и та поддалась после третьего толчка. В лицо пленникам ударили брызги солёной воды, ревущий гул волн стал заставлял сжиматься от страха..

Они поднялись по скользким ступеням. Каждый шаг был борьбой: корабль то задирался носом к небу, то проваливался в чёрную пасть волны. Ария шла за спиной Хальдора, чувствуя, как колени дрожат, но не останавливалась.

Она выбралась на палубу и тут же едва не упала. Пол под ногами бешено качался, то вздымаясь к низкому, рваному небу, то проваливаясь в кипящую чёрную бездну. Она вцепилась в мокрые перила, ослеплённая брызгами.

Глава 5.

На корабле царила паника.

Ветер валил с ног, рвал паруса клочьями. Волны переливались через борт, смывая ведра, обломки и людей. Матросы, ослеплённые солёным дождём, носились, как безумные, хватая за канаты, тянулись к мачтам, кричали друг на друга.

— Держи реи, скоты! — перекрывая вой бури, взревел чей-то голос.

Ария, задышавшись, обернулась на звук. На возвышении у штурвала стоял капитан — высокий, светловолосый, с мокрыми прядями, прилипшими к лицу. Он яростно размахивал руками, ругая команду, словно пытаясь удержать не только корабль, но и сам шторм.

Мгновение она застыла, вцепившись в перила. Неужели именно этот человек держит в руках их судьбу? На миг в груди вспыхнула глухая ненависть. Но шторм не оставлял места для долгих раздумий.

— Сейчас! — крикнул Хальдор, склоняясь к её уху. — К корме! Быстро!

Двое матросов, заметив вырывающихся из трюма людей, обернулись. В их глазах мелькнуло понимание и тут же — ярость.

— Пленники! — один вскинул руку, пытаясь перекрыть ветер. — Капи...

Договорить он не успел. Хальдор рванул вперёд и ударил первого кулаком в челюсть, развернув всего корпусом. Что-то хрустнуло. Моряк рухнул на палубу, так и не успев сказать ни слова. Второго, потянувшегося к ножу, перехватил Ульф — короткий боковой удар в живот, затем по шее. Тело без сознания скатилось к борту.

— В лодку! — рявкнул Хальдор, даже не оборачиваясь.

Пленники, согнувшись под ударами ветра, один за другим бросились к корме. Шлюпка, о которой говорил Грейт, висела на таях, дергаясь, как пойманная рыба. Парусина, брошенная поверх, хлопала, стремясь сорваться.

Ария первой нырнула под мокрую, тяжёлую ткань. Внутри было темно и душно, но хоть немного тише. Она помогала забираться другим: сначала женщинам, потом старику, потом раненым. Ульф грубо, но бережно втолкнул последнего подростка и сам залез внутрь, удерживая парусину.

Снаружи остался Хальдор. Он встал спиной к лодке, лицом к палубе, готовый встретить следующего матроса. Но в этот момент корабль содрогнулся от особенно сильного удара. Капитан у штурвала взревел от бессилия.

Хальдор обернулся, ухватился обеими руками за механизм спуска и изо всех сил потянул рычаг. Тросы затрещали, блоки закрипели. Шлюпка дёрнулась и накренилась, зависнув над бушующей водой. Волна, высокая, как башня, поднялась с подветренной стороны. Она была чёрной, с гребнем грязно-белой пены. Она накрыла корму.

Ледяная вода обрушилась на Хальдора, сбила с ног, потащила к борту. Он успел из последних сил оттолкнуться от палубы, и этот толчок, вместе с напором волны, стал решающим. Шлюпка сорвалась с талей.

— Ещё! — заорал он, вкладывая в последний рывок всё, что в нём было. — Давай же!

Волна, подкрадывавшаяся к борту, поднялась стеной и обрушилась на палубу. Удар был такой силы, что Хальдора снова смело с ног, но вместе с тем толчок воды швырнул шлюпку вперёд.

На одно мгновение лодка зависла над краем, словно передумала падать. Потом море, ревя, рвануло её вниз.

Удар о воду отозвался во всех костях. Мир закрутился, опрокинулся, снова выровнялся. Они оказались в кипящем котле между двумя гигантскими волнами. Корабль огромный и бес-

помощный, уже был в двадцати ярдах от них и стремительно удалялся, поднимаясь на очередной водяной холм.

Их маленькое судёнышко закрутило, бросило вперёд. Солёная вода хлестала в лицо, заливала внутрь. Но они были на плаву. Они были свободны.

Ария вытерла лицо, откинула с глаз мокрые волосы. Она оглядела тех, кто был с ней в лодке. Испуганные лица смотрели на нее. Потом она посмотрела на удаляющийся корабль. И увидела Хальдора, отчаянно сражающегося с волнами. Она вскрикнула, подскочила с места и схватила весло. Протянула захлебывающемуся Хальдору и потянула на себя. Сил вытащить и весло и воина у нее не было. Тут же ее в сторону оттеснил Ульф. Одним резким рывком он втянул брата на лодку.

Хальдор закашлялся, отплевывая соленую воду. Ария же откинулась к борту и на мгновение прикрыла глаза, все еще не веря тому, что им удалось покинуть корабль. Но расслабляться было нельзя. Шторм хоть и шел на спад, но все же их лодку могло перевернуть в любой момент.

Она повернулась к вёслам. Взяла одно, тяжёлое и неудобное. Ульф молча последовал её примеру. Без команд, без слов они вставили вёсла в уключины. Их движения были неуклюжими, не синхронными. Лодку бросало из стороны в сторону. Арию тут же сменил один из пленников, оттеснив девушку.

Отдохни, девушка. Ты сделала то, что иным мужам не под силу. И сделала для нас больше, чем мы того заслуживаем.

...И они гребли. Сначала хаотично, сбивая друг друга веслами. Лодку крутило, она пятилась назад, подпрыгивала на волнах. Хальдор, ещё хрипящий и бледный, протёр глаза, отодвинул слабеего гребца и встал на его место. Его движения были резкими, точными. Он стал задавать ритм.

— За мной! — его голос, хриплый от солёной воды, резал вой ветра. — Раз-два! Раз-два!

Ульф, огромный и непоколебимый, подхватил ритм. Затем присоединился ещё один мужчина, потом женщина с сильными руками. Ария сидела, сжав в кулаке мокрый подол платья, и смотрела на спины гребцов. Каждый мускул на них напрягался, сухожилия выпирали, как канаты. Она чувствовала себя бесполезной. Её руки дрожали от перенапряжения и страха, сил не было совершенно. И если бы сейчас лодка перевернулась и она пошла ко дну, то Арии подумалось, что она бы не стала сопротивляться волнам.

Шторм, словно разъярённый зверь, которого лишили крупной добычи, продолжал играть с их лодчонкой. Волны швыряли её с гребня в чёрную пасть между ними. Солёная вода постоянно перехлёстывала через борт. Пришлось снять деревянные сиденья и начать вычерпывать воду. Этим занялись женщины и девочка-подросток. Работа была бесконечной и отчаянной.

Час. Два. Время потеряло смысл. Существовало только белое от пены море, ледяной ветер, режущий щёки, и изматывающий, монотонный рывок вёсел. Руки гребцов немели, спины горели огнём. Дыхание рвалось из груди хриплыми клоками пара.

— Не могу... — простонал один из мужчин, и его весло выскользнуло из ослабевших пальцев. Оно на мгновение зацепилось за борт, а следующая волна, злая и хитрая,хватила его и унесла в пучину.

— Пес Хельма! — выругался Хальдор, но не прекратил грести. Теперь лодку начало разворачивать боком к волнам — самое опасное положение.

— Сюда! Все, кто не гребёт, на левый борт! — скомандовал он.

Ария и остальные бросились выполнять приказ, наваливаясь на скользкие доски, пытаясь своим весом выровнять судёнышко. Оно опасно накренилось, черпнуло бортом воды, но выровнялось.

Именно в этот момент, когда казалось, что следующая большая волна обязательно их перевернёт, девочка, сидевшая на носу и в отчаянии смотревшая на горизонт, вдруг вскрикнула и вскинула руку.

— Земля! Прямо там!

Сначала никто не поверил. Потом все, кроме гребцов, уставились вперёд, шурясь от брызг. Сначала это была просто тёмная полоса, смутное пятно на фоне темного неба. Потом полоса стала шире, обрела очертания — скалистый берег, утёсы, узкая полоска галечного пляжа в разломе между ними.

— Гребите! — закричала Ария, и её голос, сорванный и хриплый, прозвучал с новой силой. — Гребите, это земля!

У уставших гребцов вспыхнула надежда. Даже те, кто сидел без сил, схватились за вёсла. Лодка, подхваченная попутной волной, резко рванула вперёд, к берегу.

Но здесь их ждала новая опасность. Прибой у скалистого берега был яростным. Волны с грохотом разбивались о валуны и откатывались назад, сталкиваясь с новыми накатами, создавая бурлящий, смертоносный котел.

— Не давайте развернуть! — орал Хальдор, жилы на его шее напряглись, как тетивы. — Прямо на берег! На самый большой накат!

Они влетели в полосу прибоя. Лодку подхватило, как щепку, пронесло несколько ярдов, затем ударило днищем о скрытую под водой гальку. Раздался треск. Дерево не выдержало.

— Всем в воду! Прочь от лодки! — Хальдор первым спрыгнул в ледяную, бурлящую воду, которая доходила ему до пояса. Он развернулся и начал буквально выдергивать людей из разрушающейся шлюпки, толкая их к берегу.

Ария попыталась выбраться сама, но ослабевшие ноги подкосились. Она рухнула бы в воду, но огромные руки подхватили её. Ульф, не говоря ни слова, поднял её, как ребёнка, и понёс, не обращая внимания на волны, хлеставшие его по груди. Он шёл тяжело, медленно, но неотвратимо, словно скала получила возможность ходить. Каждая волна, пытавшаяся сбить его с ног, разбивалась о его непоколебимую силу.

Хальдор, тем временем, организовал цепь из тех, кто уже выбрался. Они, держась за руки, забирались глубже, чтобы помочь остальным, выхватывая из ледяной хватки моря стариков и женщин. Последним на берег выбрался подросток, которого Хальдор буквально вышвырнул из воды на галечную отмель.

Ария, которую Ульф нес на руках, обернулась ему за плечо. Их лодка была похожа на растерзанного тюленя. Волны добивали её, разламывая на щепки о камни. Но они — все они — были здесь. На земле. Мокрые, дрожащие от холода и истощения, но живые.

Ульф осторожно опустил её на ноги. Она пошатнулась, но удержалась, вцепившись ему в рукав. Он молча кивнул, и поддержал девушку.

— Вон там, — Хальдор, откашлявшись, указал на невысокий уступ за пляжем, поросший жухлой травой и низким, корявым кустарником. — Уберёмся от воды. Соберёмся все. Проверим, кто ранен.

Он стал командиром. Его приказы были кратки и понятны. Люди, покорные и обессиленные, потянулись за ним, отползая от ревущего моря. Ария шла последней, опираясь на Ульфа. Она обернулась на прощание.

Море бушевало, не унимаясь. Там, в серой дали, где небо сливалось с водой, не было видно ни парусов, ни мачт драккара. Только бесконечные, яростные валы. Они сбежали от одного чудовища, чтобы оказаться в лапах другого — суровой, незнакомой земли. Но сейчас это не имело значения. Они выбрались. Они дышали. Соль на губах была горькой, но это был вкус свободы.

Поднявшись на уступ, они повалились на землю, не в силах сделать ни шага. Хальдор, стоя на краю, медленно обвёл взглядом эту маленькую, жалкую армию. Потом его взгляд встре-

тился со взглядом Арии. В его обычно холодных глазах промелькнуло что-то вроде признания. Он слегка кивнул. Они сделали это.

Ария закрыла глаза, чувствуя, как дрожь пробирает её с головы до ног. Не от холода. От свалившегося напряжения. Позади был корабль, цепи, страх смерти. Впереди — туман, холод и неизвестность. Но они были вместе. И пока они были вместе, в этом чужом и диком краю, у них был шанс.

Глава 6.

Холод был первым, что привело их всех в чувство. Он пробирался сквозь мокрую шерсть и кожу, заставляя зубы стучать мелкой, быстрой дробью. Платье Арии смерзлось на ней ледяным панцирем. Она сидела на мокрых камнях, обхватив колени, и просто тряслась.

Рядом кто-то плакал. Тихо, беззвучно, только плечи вздрагивали. Это была девушка лет шестнадцати, Брикета. Отец ее сидел рядом, но помочь дочери он не мог.

Мужчина с перевязанной головой, бесцельно шарил руками по камням, словно искал что-то утраченное. Его глаза были пусты.

— Встаньте!

Голос Хальдора прозвучал как удар хлыста. Он уже стоял, его спина была прямой, хотя губы тоже посинели от холода.

— Сейчас замёрзнем. Ульф. Осмотри берег. Сухие ветки, кора, все что угодно, что может гореть. Ты... Как там тебя, Кветтар кажется, иди с ним. Ищите углубление в скалах, пещеру, что угодно. (Промокод к роману "Няня особого назначения" - sJBq97kV. Большая просьба! Если книга у вас уже есть, оставить промо для следующего читателя)

Ульф молча кивнул, схватил за плечо ошеломлённого Кветтара, того самого с перевязанной головой и потащил за собой вдоль кромки воды. Хальдор подошёл к Арии. Взглянул на её трясущиеся руки.

— Твоя очередь. Обойди всех. Осмотри. Кто может идти, кто нет. Кто ранен. Не спрашивай, смотри.

Он не стал ждать ответа от замёрзшей девушки. Он повернулся к остальным.

— Выжившие! Слушайте! Море вас не взяло. Значит, у вас есть дело на земле. Первое дело — не умереть в эту ночь. Каждый, кто может двигать ногами, — встать и следовать за Ульфом. Искать укрытие и хворост.

Его тон не терпел возражений. Медленно, со стонами, люди начали подниматься.

Ария заставила себя встать. Ноги почти не слушались. Она подошла сначала к Брикете, опустилась перед ней на корточки. Не говоря ни слова, взяла её руки в свои. Пальцы девушки были белые, почти восковые. Ария стала растирать их, сильно и резко, пока та не всхлипнула от боли.

— Боль — это хорошо, — глухо сказала Ария. — Значит, они ещё живы. Вставай. Иди греться, как найдут огонь.

Потом она перешла к старику. Он сидел, сгорбившись, и кашлял. Ария приложила ладонь ко лбу. Жар. Она сняла с себя свой наименее мокрый платок и положила ему на лоб.

— Держи. Пей, если сможешь найти воду.

Ульф вернулся минут через двадцать. В одной руке он нёс охапку хвороста и несколько толстых, полусгнивших ветвей. В другой волок за собой огромную, выдолбленную временем и водой колоду.

— Там есть пещера, — коротко бросил он Хальдору. — Неглубокая. Но сухая. Но там есть следы.

— Чьи? — спросил Хальдор.

— Медвежьи. Правда старые.

Хальдор кивнул, взяв у него часть хвороста.

— Повезло, что он уже в зимней спячке. Идём.

Пещера оказалась расщелиной в скале, прикрытой нависающим козырьком камня. Внутри пахло пылью, мхом и действительно стоял слабый, звериный запах. Но было просторно и, что важнее всего, сухо.

Ульф и Кветтар втащили колоду. Хальдор расчистил площадку в центре, отгородив её от входа небольшими камнями. Он достал из-под своей рубашки, из потаённого мешочка, огниво и камень. Склонился над крошечной кучкой самого сухого хвороста и трухи из колоды.

Все замерли, наблюдая. Искры сыпались, гасли. Сырой воздух сопротивлялся. Ария, не думая, сняла с себя тонкий кожаный шнурок с талисманом — высушенным корнем, который отец дал ей давным давно. Он был пропитан маслами и горел хорошо. Она протянула его Хальдору.

— Попробуй.

Он взглянул на неё, взял шнурок, поджёт его от последней упрямой искры. Маленькое пламя озарило его суровое лицо. Он бережно поднёс его к трухе. Пламя затрещало, вырвалось на свободу, ухватилось за тонкие веточки.

Теплый свет заполнил пещеру, отбрасывая гигантские, пляшущие тени на стены. Тихий вздох облегчения прошел по людям. Они полезли к огню, протягивая к нему руки, как к солнцу.

— Снимите верхнюю одежду, — распорядился Хальдор. — Сушите у огня. Ульф, Кветтар — дозор у входа. Ария, тебе предстоит обработать раны.

Ария заставила себя работать. Она обошла всех. У отца Брикеты была горячка и старая рана на ноге, которая воспалилась от солёной воды. Она промыла её пресной, нашла в своей поясной сумке, чудом уцелевшей, немного мать и мачехи и сухого тысячелистника. Наложила повязку.

У Брикеты были содраны в кровь ладони и колени. У одного из пленников, которого звали Бьярни, оказался глубокий порез на предплечье, который он получил ещё на корабле. Она стянула края раны и перевязала её полоской, оторванной от его же рубахи.

Она работала молча, сосредоточенно. Её пальцы, несмотря на усталость, двигались уверенно. Это был язык, который она понимала лучше других. Боль. Болезнь. И попытка её остановить.

Когда она закончила, у огня уже сушились мокрые плащи и рубахи. Люди сидели тесным кругом, жадно глотая скудный пар от одежды. Хальдор разломил последний сухарь, найденный в кармане, на десять частей. Каждый получил крошечный твёрдый кусочек. Это была еда.

— Завтра, — начал Хальдор, когда последние крошки были съедены, — мы идём на поиски селения. Или порта.

— Нам нужен корабль, — тихо сказала Юнита, высокая, худая женщина с выразительными карими глазами. — Домой. В Шотландию.

— Корабли есть у тех, у кого есть серебро, — мрачно заметил Бьярни. — У нас ничего нет.

— Есть руки, — возразил Хальдор. — Мы можем наняться на работу. В портах всегда нужны рабочие для погрузки, ремонта сетей, любой работы. Заработаем на проезд.

— А если нас узнают? — спросил Кветтар. — Как беглых рабов?

— Тогда будем надеяться, что шаман Белый волк сгинул в том шторме, — холодно ответил Хальдор. — Или что цена на нашу голову здесь невелика. Другого выбора у нас нет.

Они долго спорили шепотом. О рисках. О направлении. Хальдор нарисовал палкой на песке грубую карту: здесь берег, здесь должны быть торговые пути. Решали, что пойдут на восток вдоль берега.

Огонь потрескивал. Тепло, наконец, проникло внутрь, расслабляя закооченные руки и ноги. Один за другим, люди начали клониться к земле. Брикета уснула первой, свернувшись калачиком у самого огня. Ее отец заснул сидя, его подбородок уткнулся в грудь.

Ария сидела, прижавшись спиной к тёплой каменной стене. Она наблюдала, как Ульф сменил Кветтара на посту у входа. Великан сел на камень, его массивный силуэт заслонил вход, очертившись на фоне синеватого ночного неба. Он не двигался, как ещё один валун.

Глаза Арии слипались. Борьба со сном была короткой. Тяжесть в веках, убаюкивающее тепло огня, глубокая тишина, нарушаемая только мерным дыханием спящих и далёким шумом прибоя — всё это поглотило её. Она скользнула в глубокий, беспамятный сон.

А проснулась она от тепла. Не от огня — он уже прогорел до углей. А от другого источника. Твёрдого, массивного.

Её спина была прижата к чьей-то широкой груди. Тяжёлая рука лежала на её талии, не сжимая, просто покоилась там, как тяжёлое, тёплое одеяло. Дыхание было ровным и глубоким, оно шевелило её волосы на макушке.

Ария замерла. Сердце вдруг заколотилось с такой силой, что, казалось, её услышат.

Она медленно, миллиметр за миллиметром, приподняла голову. В слабом свете углей она увидела грубоватую руку с бледными шрамами на костяшках. Руку Ульфа.

Ужас, острый и ледяной, обрушился на неё. Не отвращение. А паника. Она была в ловушке. В плену. Снова. Пусть и в тёплом, непреднамеренном.

Она задержала дыхание. Медленно, с бесконечной осторожностью, стала отползать вперёд, пытаясь высвободиться из-под его руки. Камень под коленями скрипнул. Ульф во сне что-то глухо пробормотал, и его рука слегка сжалась, притягивая её чуть ближе.

Ария застыла, готовая кричать. Но он не проснулся.

Тогда она, стиснув зубы, резко дёрнулась в сторону, выскользнула из-под его руки и откатилась на холодный камень у стены. Её дыхание стало частым и поверхностным. Она сидела, обхватив себя руками, и смотрела на спящего великана.

Он лежал на боку, его лицо в полутьме казалось не суровым, а просто усталым. Спокойным. Он искал тепла, как все они. И нашёл его рядом с ней.

Но для неё это было нарушением границы, которую она не готова была переступить. Она была Белой ведьмой. Потом беглянкой. Потом одна единственная ночь и вот уже Ария думать не может о том, чтобы чужие руки касались её тела. Нет! Слишком живыми были воспоминания о других руках. Сильных, нежных, надёжных...

Она отползла дальше, к самому входу в пещеру, где дежурил теперь Хальдор. Он сидел, не двигаясь, взгляд его был устремлён во тьму леса. Он слышал её шорох, слегка повернул голову. Их взгляды встретились.

Ария ничего не сказала. Просто обхватила колени и прижалась к холодному камню у входа, глядя, как первые бледные лучи солнца начали размывать черноту ночи над морем. Её спина, где секунду назад было так тепло, теперь зябко мёрзла. Но она предпочла этот холод. Он был знакомым. Он был её.

Глава 7.

Серое утро застало их всех в пещере. Угли ещё тлели. Ария сидела у входа, кутаясь в свой высохший плащ. Она чувствовала, как затекли все тело, но не решалась пошевелиться. Позади раздался тяжёлый вздох и скрип камня под весом. Ульф проснулся. Но она даже не обернулась.

— Подъём, — раздался голос Хальдора. Он уже стоял снаружи, осматривая окрестности. — Нужна еда. Ульф, Бьярни, Кветтар — со мной. Надо найти дичь или рыбу. Остальные — поддерживайте огонь и собирайте дождевую воду в углублениях.

Четверо мужчин взяли то, что сходило за оружие — заострённые палки, повязку Ульфа, тяжёлый камень в руках Хальдора, — и скрылись в сером лесу.

В пещере воцарилось напряжённое молчание. Брикета молча принялась собирать немногочисленные вещи. Ее отец кашлял у огня. Ария наконец встала, размяла онемевшие ноги и подошла к пожилому шотоандцу проверить его рану. Она сняла повязку — воспаление немного спало. Это был маленький, но важный знак. Они справлялись.

Охотники вернулись через несколько часов. Ульф нёс на плече тушки молодых кроликов, добытых удачно брошенным камнем. Хальдор и Бьярни держали по связке пресноводной рыбы, пойманной в лесном ручье. Кветтар нёс пригоршню поздних лесных ягод.

Началась работа. Ульф молча, с неожиданной ловкостью, освежевал животных ножом Арии, ловко счищая шкурки. Хальдор вырезал деревянные вертела. Скоро над обновлённым костром зашипело и зарумянилось мясо, запах которого просто сводил с ума голодных пленников. Рыбу запекали на горячих камнях у огня.

Когда еда была готова, Ульф взял самый лучший, сочный кусок мяса с хрустящей корочкой, насадил его на чистую щепку и молча протянул Арии. Его глаза смотрели прямо на неё, в них не было просьбы, только простая констатация факта: это тебе.

Ария почувствовала, как по её щекам разливается жар. Она взяла мясо, кивнула, но не встретила с ним взглядом. Её пальцы слегка дрожали. Когда его рука случайно коснулась её пальцев, она едва не отдернула свою. Прикосновение было не грубым, даже заботливым. Но внутри у неё всё сжалось. Это было не то. Не те пальцы, не та рука, не то ощущение.

Она отвернулась и стала есть, глядя в огонь. Мысль пришла внезапно, ясная и беспощадная, как удар ножом в тишине. “Никто. Никто другой никогда не будет для меня тем, кем мог бы стать он. Враг. Человек, которого я спасла. И я обрекаю себя на вечное одиночество с этим призраком”.

Она проглотила кусок мяса. Оно внезапно стало безвкусным.

— Едим быстро, — сказал Хальдор, обрывая её тяжёлые размышления. — Надо двигаться вперед. По солнцу на восток. Будем искать следы дороги или охотничьи тропы.

Они потушили огонь, засыпали пепел, старательно убрали все явные следы своего пребывания. Потом, гуськом, во главе с Хальдором, покинули пещеру.

Лес встретил их тишиной и мокрым после дождя подлеском. Они шли медленно, прислушиваясь. Через пару часов Хальдор поднял руку. Впереди, среди деревьев, виднелась протоптанная тропа. Не широкая, но явно используемая.

По ней они и пошли, двигаясь теперь быстрее. Тропа петляла, спускалась в ложбину, где журчал ручей, и снова поднималась. И вот, сквозь стволы деревьев, показались первые признаки жизни. Запах дыма. Лай собаки. Затем — частокол.

Невысокий, но крепкий частокол из заострённых брёвен окружал небольшое поселение на берегу длинного, узкого залива. Это был не город, а скорее крупная деревня-порт. За частоколом виднелись крыши длинных домов с дерновыми кровлями. Над двумя-тремя торчали столбы дыма. У самого берега качались на воде несколько кораблей — не боевые драккары, а

более широкие и приземистые торговые кнорры и рыбацкие лодки. Воздух пах рыбой, смолой и влажной древесиной.

Люди у ворот поглядывали на толпу, вышедшую из леса, настороженно. Это были местные жители северных земель — крепкие, одетые в практичную шерсть и кожу, с топорами и ножами на поясах. Их взгляды скользнули по измождённым, плохо одетым пленникам, но задержались на Хальдоре и Ульфе. На их осанке, на холодных, оценивающих взглядах воинов. Никто не сделал шаг вперёд, чтобы преградить дорогу. Но и приветствия не последовало.

Хальдор кивнул своим, и они вошли в ворота, не зная, что ждёт их на чужой земле. Язык варваров Ария, Хальдор и Ульф знали. Остальные же должны были держать язык за зубами.

Поселение было оживлённым, несмотря на ноябрьскую слякоть. Под ногами хлюпала густая смесь грязи, навоза и соломы. Люди спешили по своим делам, таская тюки, чиня сети сидя на лавках у домов, переговариваясь на гортанном языке норманнов. Некоторые оборачивались, но быстро отводили глаза. Чужаки здесь были не редкостью, но видимая решимость на лицах вновь прибывших заставляла не искать неприятностей.

— Там, — указал Хальдор на самое крупное здание с приоткрытой дверью, откуда лился скудный свет и доносились приглушённые голоса.

Таверна. Длинный дом, разделённый на две части — для хозяев и для гостей. Внутри было темно, пахло кислым пивом, дымом и человеческим потом. У огня в центральном очаге сидело несколько местных, но они смолкли, когда вошла странная процессия.

Хозяин, широкоплечий мужчина с рыжей бородой, вытер руки о фартук и вышел в зал, преграждая путь. Он внимательно оглядел путников и что-то спросил на своём языке. Хальдор ответил коротко, на том же наречии, которое они слышали на корабле.

С моря. Ищем работу и кров. Вот шкурки кроликов в оплату. А если не хватит, отработаем.

Хозяин взял протянутые Ульфом выделанные шкурки, покачал головой с одобрением и оценивающе посмотрел на крепкие спины Ульфа и Хальдора. Потом он махнул рукой в дальний угол, где стояли грубые лавки и стол.

Садитесь. Еда и питье — работа на дворе. Такие как вы работники сгодятся.

Люди повалились на лавки с облегчением. Быть под крышей, даже в такой дыре, было благодатью. Хозяин принёс чёрный хлеб, похлёбку с кореньями и кусками солонины и кувшины мутного пива. И хоть утром ели добытых Ульфом кроликов, да только к обеду уж все продрогли и проголодались. Потому набросились на еду.

И тут старик, молчавший почти всю дорогу, кряхтя, наклонился к своей левой ноге. Он снял потрёпанный башмак, порылся в нём и достал... серьгу. Неказистую, покрытую грязью. Он потер её о рукав своей рубахи, и под слоем грязи блеснуло тусклое, но несомненное золото.

Все за столом замерли, ложки застыли на полпути ко рту. Даже Хальдор поднял бровь.

Старик усмехнулся, подмигнул Брижете, которая тоже смотрела на него, раскрыв рот.

— Старые трюки, девочка, — хрипло сказал он на их общем, ломаном наречии. — Когда колесишь по свету с песнями да фокусами, учишься прятать сокровища там, где их не ищут. В ухе — банально. В каблуке — надёжнее.

Он протянул серьгу Хальдору.

— Хватит на ужин и ночлег?

Хальдор взял золото, повертел в пальцах и кивнул хозяину. Тот, увидев жёлтый металл, сразу расплылся в улыбке. Скоро на столе появился котелок с похлебкой и дополнительная краюха хлеба. Напряжение за столом немного спало. Появилась призрачная надежда. Золотая серьга была мостиком в этот враждебный мир.

Быстро расправившись со своей похлебкой, Хальдор оближал ложку и с сожалением положил на стол. Потом оглядел собравшихся за столом и тихо проговорил:

Сидите здесь. Только тихо. Речи своей не выказывайте. Я же пойду, пройду. Поищу капитана, что согласится нас завтра переправить домой. Наймемся на корабль. Будьте готовы, что работа будет тяжёлая. Да ничего. Главное домой попасть.

Все согласно кивнули. Никто не боялся труда. И после тех испытаний, что они пережили, работа на корабле не страшила даже старого деда и его дочку Брикету.

Ария сидела, наблюдая, как Ульф осторожно перекладывает в её миску самый крупный кусок мяса из общего котла. Она не стала протестовать, просто тихо поблагодарила. Но внутри всё сжималось. Его забота была тяжёлой, неудобной ношей. Она ловила себя на том, что мысленно сравнивает его грубые, добрые жесты с насмешливым, холодным взглядом другого человека. С тем, кто сейчас, наверное, даже не помнил её лица.

Люди ели молча, боясь разговаривать и тем самым выдать себя ненароком. Хоть и смотрели в их сторону без затаенной злости, но взгляды местных нет-нет, да и скользили по хмурым лицам бывших пленников. Но постепенно, отогреваясь, бывшие пленники заводили тихие разговоры меж собой. Так Ария узнала, что молодой мужчина, с повязкой на голове, откликается на имя Кветтар. Он поблагодарил сидящую рядом женщину по имени Эльда за то, что смогла перевязать ему рану, когда их обоих схватили и бросили в трюм варваров. Мужчина средних лет, что носил темную бородку и имел привычку тереть её, назвался Бьярни. Его, как оказалось, за долги продали в рабство свои же соплеменники. Но зла на них он не держал. Ещё один мужчина с темными волосами и худыми плечами сидел сгорбившись и не обращал внимания на остальных. Он и имя свое назвал лишь когда Ульф ткнул его локтем в бок. Ллойд Крейбот потерял жену в том набеге норманнов на их поселение. Самого его схватили и затащили на корабль. И все оттого, что отец Ллойда был сборщиком податей. А значит мог заплатить выкуп за сына. Да только Ллойд, видать, понимал, что никто за него платить не станет. И оттого плечи его были опущены и голова свешивалась на грудь. С корабля он спасся. Но кажется, что Ллойд Крейбот умер там, в трюме. Здесь же, за столом, сидела его бледная тень.

Ария вспомнила зелёные глаза Грейта Маккензи. Сколько огня было в них. Сколько силы! Жив ли шотландец? Удастся ли ему спастись?

Огонь в очаге тихо потрескивал, распространяя тепло. Уж и похлёбка закончилась и последние крошки от хлеба были собраны со стола и съедены, как дверь таверны распахнулась, впуская порыв холодного воздуха и хмурую фигуру Хальдора.

Он подошёл к столу, отряхивая с плеч мелкую ледяную крупу, которая сменила дождь. Его лицо было хмурым.

— Судходство закрыто, — сказал он без предисловий, опускаясь на лавку. — Сезон штормов. Ни один уважающий себя капитан не выйдет в открытое море до весны. Самое раннее отплытие — через четыре, может, пять месяцев.

Он посмотрел на застывшие, подавленные лица соплеменников.

— Мы застряли. На этом проклятом берегу. До весны.

Глава 8

Тишина после слов Хальдора стала густой и тяжёлой, как болотный туман. Бьярни медленно опустил голову на скрещенные руки на столе. Эльда закрыла ладонью рот, глаза её расширились. Кветтар бессмысленно уставился в стену. А Ллойд и вида не подал, что его это хоть как-то расстроило.

Пять месяцев! Зима на чужой земле, без дома, без денег, с призраком Белого Шамана за спиной.

— Перезимовать можно, — первым нарушил молчание старик. Его хриплый голос прозвучал неуверенно. — Главное — крыша над головой, тепло, еда. Мы сидели и в худших норах.

— У меня руки на месте, — глухо сказал Бьярни, не поднимая головы. — Я рыбу ловить могу. Сети плести.

— Я тоже, — кивнул Кветтар. — Дрова колоть, строить — все что угодно.

— Мы с отцом можем представления устраивать, — тихо, но чётко сказала Брикета. Её глаза блестели в полумраке. — Песни, фокусы. Люди зимой скучают, им развлечения нужны. Монетку дадут.

Ульф, сидевший рядом с Арией, медленно повернулся к ней. Его большое, грубое лицо было серьёзно. Он осторожно, как будто боясь спугнуть птицу, взял её руку, лежавшую на коленях, и сжал в своей ладони. Его пальцы были тёплыми, шершавыми, полными силы.

— Не пропадём, — сказал он просто, глядя ей прямо в глаза. — Я охотник. Лес знаю. Шкуры добуду, тёплую одежду сошьём. Мясо будет. Обещаю.

Хальдор, сидевший напротив, наблюдал за этой сценой. Он хмыкнул, коротко и сухо.

— Это правда. Из него охотник хороший. С голоду не умрешь, ведьма. Ещё и принарядишься в меха.

Все заговорили, делясь планами, рассказывая о своих умениях. Ария же сидела, чувствуя тепло руки Ульфа, но её мысли были далеко. Сквозь общую тревогу и страх пробивалась странная, тихая, совсем неуместная здесь радость. Она была подавлена, загнана глубоко внутрь, но она была.

Пять месяцев. Она останется здесь. На этой земле. На той же земле, где он. Это был его дом, его берег.

Она не знала, где именно Рейден. В столице? В походе? Но теперь между ними не было бушующего моря. Была только земля, покрытая снегом, и по ней можно было идти. Мысль была безумной, невозможной. Но она грела изнутри лучше любого огня. Ей было достаточно просто знать, что он где-то здесь, под этим же низким серым небом. Дышит тем же воздухом, что и она.

Её размышления прервал резкий звук из-за занавески, ведущей в подсобку. Громкий лязг, потом сдавленный крик, полный боли. Женский крик.

Ария вскочила, совсем не думая, по велению инстинкта, заложенного в нее годами. Она рванула за занавеску, оттеснив попробовавшего её остановить Ульфа.

На маленькой кухне, у открытой топки, стояла полноватая женщина в переднике. Кухарка. Она сжимала обожжённую руку, лицо её было искажено гримасой боли. На полу валялся опрокинутый чугунок, из которого расплзлось по деревянному полу тёмное варево.

— Дайте посмотреть, — быстро сказала Ария на ломаном местном наречии, подходя. Она не ждала разрешения. Аккуратно, но твёрдо отодвинула руку женщины. Кожа на руке была красной, вздувающейся волдырями. Ожог был сильным, но не смертельным.

Ария повернулась к столу, схватила глиняный кувшин с простоквашей, стоявший для теста. Быстро налила в миску.

— Держите руку здесь. Пока боль не утихнет.

Потом она полезла в свою поясную сумку, достала небольшой мешочек, развязала его. Внутри был светло-зелёный порошок.

— После — посыпьте этим. Это тысячелистник и кора дуба. Уменьшит жар, не даст гною появиться.

Рыжеволосая женщина лет сорока с умными, усталыми глазами, смотрела на неё с удивлением, постепенно сменяющимся благодарностью. Она молча опустила руку в прохладную простоквашу и вздохнула с облегчением.

— Спасибо, девочка, — сказала она на чистом языке бриттов, с лишь лёгким акцентом. — Я сама оттуда, с зелёных островов. Меня Мерет зовут. В детстве привезли. Так и осталась. Вот. Теперь женой хозяина таверны являюсь. Кухарю тут.

Она внимательно посмотрела на Арию и заметила ее испуг, скрывающийся за сосредоточенностью.

— Вы беглые, да? С того корабля, что на рифы сел вчера к северу? Шёпоты уже ползут.

Ария лишь молча кивнула, продолжая готовить повязку из чистой тряпицы.

— Не высовывайтесь лишний раз, — тихо, но настойчиво продолжила Мерет. — Люди здесь не злые, но чужаков не любят. А слуги местного графа те и вовсе. Но в лесу, — она ещё больше понизила голос, — в лесу за холмом, к востоку, есть старые заимки. Охотничьи избушки. Заброшенные. Там можно укрыться. Перезимовать сможете, если руки есть.

В этот момент снаружи, из основной залы, донёсся громкий, грубый смех, затем тяжёлый скрип двери. Послышался топот, звон оружия о деревянные косяки. Мерет резко побледнела, даже под слоем веснушек.

— О, нет... Спрячься! Быстро! — прошептала она, пытаясь оттолкнуть Арию в глубь кухни.

Но было уже поздно. Занавеску откинули. В проёме появились трое мужчин.

Это не были местные. Их доспехи — кольчуги, начищенные до тёмного блеска, добротные кожаные доспехи поверх, плащи из плотной шерсти, заколотые массивными серебряными фибулами. На поясах — не рабочие топоры, а длинные боевые секиры и богато украшенные мечи. Их лица были чисто выбриты, а волосы аккуратно подстрижены. Взгляды же — холодные, оценивающие, как у хищников. Окинув взглядом кухню и поняв, что кроме двух испуганных женщин более здесь никого, мужчины вышли.

— Это личная гвардия... - зашептала Мерет, обернувшись Арии. — Хирдманы. Воины самого конунга.

Мерет замерла, прижав здоровую руку к груди. Её глаза расширились от страха.

— Ох! Что же им тут надо б но? Ох, не к добру их прибытие!

Ария застыла. Мысль пронеслась молнией: Рейден. Он ведь тоже один из них. Воин Харальда Синезубого.

Скользнув к занавеске, отделяющей кухню от зала, девушка выглянула. Сердце ее билось с такой силой, что, пожалуй, и Мерет услышала.

Ария не могла отвести взгляд. Она рассматривала вошедших воинов. Особенно ее заинтересовал капитан, что стоял посреди зала. Он был высок, строен, с лицом, которое на юге сочли бы красивым — правильные черты, светлые, почти белые волосы, аккуратно стриженные. Голубые, как зимний лёд, глаза. Он осматривал зал с ленивым превосходством. Его взгляд скользнул по перепуганным пленникам, задержался на Хальдоре и Ульффе, оценивающе, как мастер оценивает товар, и... встретился со взглядом Арии, выглядывающей из-за занавески.

Он заметил её пристальный взгляд. Его губы тронула лёгкая, самодовольная усмешка. Он принял её внимание за интерес. За глупое восхищение воином конунга.

Ария, опомнившись, резко отпрянула и потянулась к своему разложенному на краю стола снаряжению. Она стала торопливо сгребать в сумку порошки, тряпицы, свой небольшой, но

острый кинжал в простых кожаных ножнах. На его рукояти, почти стёртая временем, была гравировка — волнистый узор, похожий на бегущие волны.

Она пыталась проскользнуть обратно в зал, к своим, но путь ей преградили. Тот самый капитан. Он сделал два неслышных шага и оказался перед ней.

— Не торопись, мышь, — сказал он. Его голос был низким, бархатным, но в нём слышалась сталь. — Ты что, лекарка?

Ария, не поднимая глаз, кивнула, пытаясь обойти его.

Он не двинулся с места. Внезапно его рука в кожаной перчатке стремительно метнулась вперёд и сжала её запястье. Хватка была железной, но не болезненной. Пока что. Он заставил её поднять голову. Его ледяные голубые глаза впились в её испуганное лицо.

— Откуда ты? И чей это клинок?

Его взгляд упал на кинжал, который она в панике не успела полностью заткнуть за пояс. Он увидел рукоять. Увидел гравировку. Усмешка мгновенно сползла с его лица. В его глазах мелькнуло что-то острое, настороженное. Он потянул руку ближе, чтобы разглядеть узор.

— Я спросил, — его голос потерял всякую доброжелательность. Теперь в нём зазвенел лёд. — Где ты взяла этот кинжал?

Глава 9.

Ульф услышал вскрик Арии первым. Он встал так быстро, что лавка под ним громко скрипнула и отъехала назад. В два шага он оказался за занавеской. Его массивная тень упала на капитана. Вслед за ним, не спеша, но с одинаковой железной решимостью, поднялись Хальдор, Бьярни и Кветтар. Оружия, кроме вилок да ложек, поданных к обеду, у них не было. Но позы их были воинственны. Хоть это и насмешило воинов конунга..

Напряжение в воздухе стало густым, как дым. Остальные посетители таверны замерли, боясь даже дышать. Мерет, стоявшая в проёме кухни, сжала подол фартука побледневшими пальцами. Ее взгляд метался от соплеменников к воинам, а потом она нашла взглядом мужа. Хозяин трактира стоял за прилавком и молча покачал головой жене, призывая ту не вмешиваться.

Капитан не отпустил запястье Арии, но он обернулся за свое плечо и глянул на Ульфа, а затем на Хальдора. В них не было страха. Было холодное, почти детское любопытство, смешанное с презрением.

— Ого, — тихо произнёс он, и его бархатный голос теперь звучал как шипение капли воды на раскаленном камне. — У мыши есть защитники. Со сломанными когтями, но защитники.

— Отпусти её, — сказал Ульф. Его голос был низким грохотом, предвещающим обвал.

— Или что? — Капитан слегка повернул голову в его сторону, брови изящно поползли вверх. — Ты будешь со мной драться? Здесь?

— Мы никому не угрожаем, — твёрдо вступил Хальдор. Он стоял чуть в стороне, его руки были расслаблены, но готовы к движению. — Девушка ответила на ваш вопрос. Она лекарь. Это её инструменты. Кинжал — её личная вещь.

— Личная вещь с очень знакомым узором, — парировал капитан. Его пальцы слегка сжали запястье Арии. — Вещь, которая не должна болтаться на поясе у какой-то бродячей травницы. Последний раз я видел её на поясе человека, чьё имя заставляет трепетать даже старых волков. Так что я спрашиваю в последний раз: чей это клинок?

Ария чувствовала, как сердце колотится о рёбра. Она видела, как напряглись мышцы на спине Ульфа, как пальцы Хальдора слегка согнулись, будто ощупывая рукоять невидимого меча. Этих мужчин, самых сильных, каких она знала, хирдманы конунга сомнут за минуту. Они умрут за неё. И это будет совершенно бессмысленно.

— Хальдор, Ульф, нет, — вырвалось у неё, голос дрогнул. — Отступите. Это мое дело. Не вмешивайтесь. Прошу.

Но они не сдвинулись с места. Хальдор даже усмехнулся, коротко и беззвучно, его глаза не отрывались от капитана.

— Всякая битва, где сильный давит слабого, — моя битва, — сказал он спокойно. — Даже если я её проиграю.

Капитан внимательно посмотрел на него, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде уважения. Едва заметного, будто искра.

— Глупец, — произнёс он, но уже без прежней язвительности. — Ты стоишь против хирда конунга из-за воришки?

— Она не вор, — бросил Ульф, делая шаг вперёд.

Капитан наконец отпустил запястье Арии, но не для того, чтобы отступить. Он медленно повернулся к защитникам девушки, будто оценивая шансы на небольшую, но приятную разминку перед дальней дорогой.

Ария действовала, не думая. Она резко шагнула вперёд и встала между Хальдором и капитаном, развернувшись лицом к воину. Она заставила себя поднять подбородок и посмотр-

реть прямо в его ледяные глаза. Страх был, да. Но под ним клочкотала ярость. Ярость за то, что её отца называли вором. За то, что этих людей, ставших ей семьёй, могут убить из-за неё.

— Я не украла его, — сказала она чётко, перекрывая гул крови в ушах. — Кинжал принадлежит мне по праву. Его мне подарил отец. Задолго до того, как я попала на этот берег. Это всё, что у меня от него осталось.

Она ждала гнева. Новых обвинений. Приказа схватить её.

Но лицо капитана изменилось. Сначала на нём застыло простое недоумение. Потом брови взлетели высоко. Его губы приоткрылись. Он снова взглянул на кинжал, потом на её лицо, вглядываясь, как будто пытаясь разглядеть что-то знакомое в её чертах.

И вдруг он рассмеялся. Это был не саркастический смех, а громкий, искренний, почти радостный. Он откинул голову назад и расставил руки, обращаясь к своим двум воинам, которые уже положили руки на рукояти мечей.

— Слышите?! — воскликнул он, и в его голосе звенело изумление. — Отец! Он подарил ей! Клянусь бородой Одина, я знаю этот клинок! Я сам выковал его! И подарил тому, кто научил меня держать меч прежде, чем я научился ходить!

Он шагнул к Арии, но теперь не как к добыче, а с широкой, ошеломляющей улыбкой.

— Дитя, это же клинок Торвальда Хмурого! Лучшего воина, лучшего наставника, лучшего викинга, что ступал по этой земле! Где он?! Как он?!

Слова капитана ударили Арию с такой силой, что у неё потемнело в глазах. Она почувствовала, как пол под ногами стал мягким, ненадёжным. Она сделала шаг назад, едва не споткнувшись, и покачала головой.

— Нет... Вы ошибаетесь. Мой отец... он не мог быть... — слова застряли у неё в горле. Торвальд. Тихий, суровый воин. Тот, кто заплетал ей косы. Кто учил читать. Кто ненавидел норманнов и скрывался на далёком берегу Шотландии. Он жил тихой, спокойной жизнью. И погиб, отправившись на рыбалку и столкнувшись с целым отрядом ненавистных варваров. Не отец. Торвальд Хмурый. Это было невозможно.

Напряжение вокруг разрядилось так же внезапно, как и возникло. Хирдманы расслабились, уловив перемену в настроении своего капитана. Хальдор и Ульф по-прежнему стояли настороже, но уже без готовности броситься в бой. Хальдор скрестил руки на груди, изучая капитана с новым интересом.

— Торвальд Хмурый, говоришь? — произнёс Хальдор, и в его голосе звучало что-то вроде уважительного признания. — Легенды о нём ходили даже на наших берегах. Говорили, он одним взглядом мог остановить драку в хирде.

— Взглядом и левой рукой, — усмехнулся капитан, явно оживляясь. Он отвлёкся от Арии и оценивающе оглядел Хальдора с ног до головы. — А ты такой смелый отчего ж? Не дрогнул даже перед целым отрядом самого Харальда Синезубого. Из камня ты что-ли?

— Долгие зимы закалили, — парировал Хальдор. — Они тоже учат стойкости.

Между мужчинами пробежала странная, почти товарищеская искра соперничества. Капитан вышел в общий зал и хлопнул по ближайшему столу ладонью.

— Хозяин! Эля сюда! Для всех! — крикнул он, а потом махнул рукой и на своих людей, и на группу беглецов. — Садитесь. Рассказывайте. Вы, должно быть, с того разбитого торгового корабля, обломки которого выбросило с утра на берег? Я слышал, что никто не спасся. Но рад, что вы выбрались!

Ария быстро переглянулась с Хальдором. Удача на их стороне. В тот шторм попал не только корабль, перевозивший пленников. Ещё одно торговое судно разбилось. И их приняли за часть выжившей команды. Это значительно облегчит им жизнь здесь до весны.

Хозяйка, всё ещё бледная, но уже с перебинтованной рукой, засуетилась, принося кувшины и кубки. Стражники и беглецы неловко расселись за одним длинным столом. Странно

все это было, но выдавать себя и отказываться от угощения в честь их счастливого спасения, бывшие пленники не рискнули. Потому приняли приглашение и даже пытались улыбаться.

Капитан, которого один из воинов окликнул как Эрик, отпил эля и снова пристально посмотрел на группу. Его веселье немного поутихло, в глазах вновь вспыхнула подозрительность.

— Зовут меня Эрик. Эрик Торсон. Не упоминал твой отец про меня? — капитан глянул на Арию. А потом невольно его взгляд переместился на других беглецов, что жались друг к другу на лавке. — Странная у вас компания, — заметил он, — для дочери Торвальда... — Его взгляд задержался на Хальдоре. — Старик и девчонка, женщины и пара мужчин. И два воина... Что за корабль такой у вас был? Чем промышляли?

Ария поняла, что нужно действовать быстро. Она наклонилась вперед, привлекая внимание Эрика к себе.

— Капитан, — сказала она, и её голос дрогнул уже не от страха, а от нетерпения. — Расскажите о нём. Об отце. Он... он никогда не говорил о прошлом. Отчего его прозвали «Хмурым»?

Эрик промолчал, отведя взгляд. Держа кубок двумя руками, он задумался, видимо окунаясь в омуты памяти. На лице его отразилось сомнение. Меж светлых бровей залегла глубокая морщина.

— Хмурым? Потому что улыбку на его лице видели реже, чем солнечное затмение. Но не от злости. От... сосредоточенности. Он был честнейшим человеком. Праведным, как сталь клинка. Служил конунгу верой и правдой, был его правой рукой. Потом, когда годы стали давить, стал учителем. Наставником для нас, молодых псов. И лучшего не было. Он вкладывал в нас душу.

Он помолчал, глядя в свой кубок.

— А потом... потом был тот поход. На границы. В земли у Мрачного Леса. Задание было... Не сказать что сложным. Поселение проверить требовалось. Говаривали, что ритуалы проводят запрещённые. А конунг наш мудр и справедлив. Непотребство не потерпит на своих землях. И лично решил убедиться в том, что порядок в его даже самых дальних наделах. Харальд поставил аосглаву отряда Торвальда, желавшего потрянуть стариной да мечом помахать. Что там произошло, мало кто знает. А кто знал, тот в могилу унес. Вернулась лишь жалкая горстка людей. Торвальд... Когда он вернулся, его будто подменили. Стал ещё более замкнутым. Смотрел в одну точку. Часто отлучался куда-то. Мы думали, тоска нашла на нашего наставника. А однажды утром он просто не пришёл на сбор. Его койка была пуста, оружие на месте. Исчез. Мы обыскали всё. Ни следов, ни тела. Будто земля проглотила. Или...

Эрик понизил голос. И оказалось, что в таверне стоит тишина. Все слушали, затаив дыхание.

— Или проглотили его те, о ком болтают своими длинными языками дряхлые старухи. Пожиратели Ночи. Говорят, у того леса земля нечистая. Древнее проклятие. Торвальд, может, наткнулся на что-то, что нельзя было видеть смертному?

Ария слушала, затаив дыхание. Каждое слово Эрика казалось ей странным. Ее отец никогда не рассказывал как он жил до ее рождения. Не любил он это. Ария по малолетству и не спрашивала. Отец был хорошим рыбаком. И знал с какой стороны меч держать. Потому часто оказывал помощь местному ярлу по охране и сопровождению важных персон в город. Но то, что отец был наставником для воинов самого Нормандского конунга?! Это не вязалось с тихим, оседлым жизненным укладом её отца. Ничего не сходилось.

Эрик снова посмотрел на неё, но теперь его взгляд был полон искреннего, запоздалого изумления.

— Я рад тебя видеть, девочка. Несказанно рад. Значит, Торвальд не сгинул. Значит, у него была причина сбежать и... — он запнулся, его брови снова сошлись. — Дочь Торвальда

Хмурого... Вот же неожиданность. Кто бы мог подумать? А мы то жалели бедолагу. У него же... кхм... Прозвище то не просто так дано было...

Что-то в словах Эрика заставила Арию поежиться. Будто за шиворот теплого шерстяного платья ледяная капля упала. И взгляд Эрика на нее искоса добавил тревоги. Недоговаривает что-то Эрик Торсон.

Капитан отпил эля, будто собираясь с мыслями. Ария чуяла неладное и оттого подала на лавке.

Эрик же переглянулся парой-тройкой воинов за столом. Потом вновь глянул на девушку. И вновь отвел взгляд. Сердце Арии сжалось от нехорошего предчувствия.

Эрик же отпил из кубка, будто набираясь храбрости.

— Ладно. Чего уж там... Раз у него есть дочь, знать лекари конунга не всемогущи...

Торвальд ведь ещё в молодости, в одной из первых стычек, получил удар ниже пояса. Ранение было страшным. Лекари едва жизнь спасли. Но они сказали прямо: детей у него никогда не будет. Это знали все в хирде. Он сам никогда не скрывал этого. Его род должен был прерваться на нём. А вот поди ж ты... Сидишь тут на лавке и видом своим посрамляешь всех лекарей, кто решался лечить Торвальда...

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была абсолютной. Звенящей.

Ария задержала дыхание до тех пор, пока голова не закружилась. Выдохнув, она посмотрела на Эрика. Сначала слова капитана прошли мимо нее. Но через мгновение смысл слов, как ледяная лавина, стал доходить до её сознания.

Не мог иметь детей.

Эти слова разрушили всё. Весь её мир, всю её жизнь. Всё, что она о себе знала.

Она почувствовала, как внутри что-то обрывается. Огромная, невидимая опора, на которой держалась её уверенность — «дочь Торвальда» — рухнула в никуда. По её спине пробежал ледяной пот. Руки сами собой сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони, но она не чувствовала боли. Она чувствовала только пустоту. Гулкую, чёрную, бездонную пустоту там, где секунду назад было твёрдое знание, кто она.

Её взгляд, потерянный и невидящий, медленно скользнул по лицам вокруг: по озадаченному Эрику, по нахмутившемуся Хальдору, по Ульфу, в чьих глазах читалась глубокая тревога.

Она не была дочерью Торвальда Хмурого! Легендарный викинг, не мог быть её отцом. Тогда... кто она? Откуда этот клинок? Кто были её настоящие родители? И почему он забрал её, назвав своей?

Глава 10.

Эрик говорил что-то ещё, но слова до Арии не доходили. Они отскакивали от неё, как горох от камня. В ушах стоял высокий, звенящий шум.

Торвальд Хмурый. Воин Харальда Синезубого. Не мог иметь детей.

Воспоминания всплывали в памяти обрывками. Суровое, молчаливое лицо отца у домашнего очага. Его руки, уверенно разделяющие тушку пойманного зверька. Его же руки, держащие этот самый кинжал, когда он учил её правильному хвату.

“Смотри на клинок, дочь. Мир за стенами нашего дома — он как этот клинок: холодный, честный и беспощадный. Он не ненавидит тебя. Он просто есть. Ты можешь дрожать от его холода, а можешь закалиться, как сталь. Дрожать — значит сломаться. Закалиться — значит выжить. И помни — твоя спина сильна, когда ты знаешь, что за ней стоит...”

И тут же перед глазами возник другой образ. Чужой, нарисованный словами Эрика Торсона. Викинг в кольчуге, с окровавленным топором, ведущий воинов в бой по приказу конунга Харальда Синезубого.

Мысль резко рванулась вперёд, как испуганная лошадь. Старуха Хельга. В поселении Торгрима. Она говорила о резне. Давней. Когда «псы конунга» вырезали целое поселение мирных верующих. Она потеряла там дочь. И внуку.

«Они даже младенцев не пощадили, — хрипела старуха, сжимая корявые пальцы. — Кровь лилась рекой. А их главарь, высокий, как гора, и молчаливый, как могила, просто стоял и смотрел. Я его лицо через щель в заборе видела. Ни капли жалости. Хмурый, как сама смерть».

Ария почувствовала, как горло сдавила петля. Она вскочила с лавки так резко, что сидящий рядом Хальдор едва элем не поперхнулся.

— Простите, — выдохнула она, не глядя ни на кого. — Воздух. Мне нужно выйти на воздух.

Она не побежала, но её шаги были быстрыми и уверенными. Она прошла мимо ошарашенного Ульфа, проигнорировала вопросительный взгляд Эрика, отстранилась от протянутой руки деда. Она вышла из таверны, и холодный ноябрьский ветер ударил ей в лицо, как пощёчина.

Она не знала, куда идти. Ноги сами понесли её в сторону от главной улицы, в узкий, тёмный переулок между двумя амбарами. Там, в тени, прислонившись к холодным, шершавым брёвнам конюшни, она наконец позволила себе задрожать. Всё её тело была мелкая дрожь. Она зажмурилась, но слёзы проступили сквозь сомкнутые ресницы и потекли по щекам. Она не рыдала. Она молча плакала, чувствуя, как соль слёз течет по губам и стекает до подбородка.

Вся её жизнь. Вся её память. Любовь к тихому, мудрому отцу. Была ли она его настоящей дочерью? А если нет? Что он скрывал? И что он сделал там, на краю Мрачного леса? Что там произошло такого, что бедная Хельга, обезумев, решила покинуть родной берег и оказалась так далеко?

Скрип двери таверны заставил её шарахнуться за угол. Из дверей показались двое воинов из свиты Эрика. Ария почувствовала, что ей нужно побыть одной. Совсем одной. А если Эрик послал своих солдат проверить где она?

Девушка вытерла лицо рукавом и, крадучись, как вор, двинулась дальше. Воины что-то бурчали, разминая затекшие ноги, и направились в её сторону.

Ария скользнула внутрь конюшни, надеясь, что соглядатаи пройдут мимо.

Большая конюшня из тёмного дерева пахла навозом, сеном и лошадиным потом.

Это место, где можно спрятаться, зарыться, исчезнуть. Она прокралась внутрь и юркнула в пустую денницу в дальнем углу. Там пахло свежим сеном. Она уткнулась лицом в него, и на этот раз рыдания вырвались наружу — глухие, тяжёлые, сотрясающие всё тело. Она плакала

об отце, которого никогда не знала по настоящему. О себе, которой, возможно, тоже никогда не существовало. Всё было ложью. Чему теперь верить?

Она не знала, сколько прошло времени. Слезы иссякли, оставив после себя пустоту и головную боль. Она лежала, прислушиваясь к хрусту сена под собственным весом, к фырканию и перестуку копыт лошадей.

И вот к этим звукам добавились голоса. Те самые два воина вошли в её часть конюшни и остановились у стойла неподалёку,

— ...всю спину, — ворчал один, голос его был хрипловатым. — Проклятая сырость. Шкура под потником преет.

— Не нычи, Рагнар, — отозвался второй голос, значительно моложе. — В столице сейчас ещё хуже. Туман, что в горле стоит. По крайней мере, тут воздух хоть пахнет морем, а не болотом.

Послышался треск скребка по лошадиному боку.

— Цены на овёс опять взлетели, — продолжал хриплый голос Рагнара. — Конюх тут говорит, купцы из-за штормов всё задержали. До зимы не завезут. Придётся нашему красавцу на ячмене сидеть.

— Переживёт, — лениво ответил второй. — Лишь бы наш корабль не заштормило. Капитан небось уже ногти грызёт от нетерпения.

Ария замерла, прислушиваясь. Корабль?

— Шторм утихает, — сказал Рагнар. — Корабль должен подойти на рассвете. Если, конечно, капитан тот не полный идиот и не свернул куда не надо.

— Да ему свернуть некуда, — усмехнулся молодой. — У него на борту такой груз, что любая задержка смерти подобна. Чем быстрее доставит его в столицу, тем лучше для всех. Особенно для нашего кошелька.

Послышался довольный смешок.

— Предвкушаешь свою долю, Грим?

— А ты нет? За голову Ястреба конунг обещал целое состояние. Каждому из нашей десятки — столько, что можно осесть где-нибудь на юге, купить землю и забыть про эту вечную мерзлоту и службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.